

Красная сандаляка

Уле было все равно.

Она уже час листала ленту, пока комнату заливало солнце, разделяя жаркой полосой надвое все, до чего получалось добраться, — ковер, взвесь пыли, брошенную на пол рубашку и задвинутые в угол учебники. Палец оставлял на экране скользкий след.

Духота делала движения медленными и тяжелыми. Уля откинулась на подушку, волосы прилипли ко лбу, полезли в рот. Она смахнула их, как водоросли на мелководье. Из окна потянуло ветерком; Уля вытянула руку, но воздух был сухим и пыльным. Снаружи как раз зашумело — это по горячему асфальту ползла оранжевая поливалка, плеская по сторонам мутную воду. Та, правда, успевала испариться на подлете. Рука повисла в воздухе. Уля перебрала пальцами, тень от них красиво отпечаталась на противоположной стене.

Уля потянулась за телефоном, наклонилась вперед, чтобы в кадр поместились тень и край белого стола, а накиданные на него шмотки не поместились. Наложила сверху фильтр, отправила в ленту.

Время подползало к полудню. И за дверью уже слышалось сопение и шарканье. Уля улыбнулась. Никитка помнил, что она не любит незваных гостей, но изнывал в ожидании, когда же сестра проснется и выйдет. Он постоял немного — было слышно, как легонько скрипит под ним пол, — но постучать так и не решился, взбрыкнул и понесся по коридору в сторону кухни. Оттуда доносились звон посуды и приглушенное бормотание телевизора.

По субботам мама жарила оладьи — под тяжелой крышкой, томленные в масле, политые сметаной. По сто тысяч калорий в каждой штуке. Уля задрала ночнушку, ущипнула себя за бок. И сразу попустило: подумаешь, оладушки, когда в шкафу два кроп-топа ожидают своего часа.

Еще раз обновила ленту, потом зашла в мессенджер. В десять, когда нормальные люди еще спят, Вилка предложила доехать до парка Горького. Но прогноз погоды не обещал ни малейшей прохлады. Потому гулять пришлось бы изнывая от духоты. Так что приглашение Уля проигнорила, а теперь и самой Вилки не было онлайн.

Нужно было вставать, но Уля тянула до последнего. Июнь, отданный на заклятие сессии, пролетел незамеченным. Он оставил после себя только ворох конспектов и темные круги под глазами, которые было решено не прятать: они придавали Уле пусть немного, но взрослый вид. По крайней мере, так ей казалось, когда она смотрела на себя, с неудовольствием отмечая круглые щеки и мягкие локотки. Сколько бы она ни худела, круглое лицо оставалось круглым, а талия в приемлемые шестьдесят два сантиметра переходила в неприемлемые девяносто семь бедер. Свои

объемы Уля знала с точностью до десятых, но округляла в меньшую сторону, чтобы не расстраиваться.

Объемы, кстати, могли и вырасти. Закрыв последний зачет, Уля неделю пролежала на кровати. Листала ленту, смотрела видосики, подхватывала спелую ягоду черешни за тонкий черенок и раскусывала ее, чтобы сок наполнил рот, и тут же бралась за следующую. Мама, возвращаясь с работы, конечно, ворчала.

— Могла бы полы помыть, — говорила она, но Уля отвечала равнодушно:

— Неделя, ма. Был уговор: я закрываю семестр, ты меня неделю не грузишь. — И уходила с кухни, прихватив с собой еще одну мисочку ягод.

Никитка об уговоре знал крепко, потому к сестре не приставал, подваливаясь к боку, только когда Уля сама выбиралась в общую комнату, чтобы посмотреть дурацкий сериал без конца и края. Щекоча ее макушкой, Никитка осторожно садился рядом, а когда Уля разводила руки в стороны, с визгом бросался на нее, брыкался и хохотал. Вообще, любить брата оказалось проще, чем Уля думала, когда тот только родился. Разница в четырнадцать лет разделяла их, и ничего нельзя было с этим поделать, но, глядя, как Никитка заходится счастливым хохотом в ее руках, Уля ловила себя на щемящей нежности, такой острой, что почти стыдной.

Пока Уля натягивала домашнюю футболку поверх заносенных шорт, телефон, брошенный на подушку, завибрировал. Уля оторвалась от отражения в зеркале над комодом и пролистала обновления. Фото тени на стене набирало

лайки и комментарии. «Концептуально», — писала старая знакомая с фотокурсов. «Я с другой стороны стены так и почувствовала, что ты снимаешь», — отметилась Вилка.

«Хороший кадр. Твоя спальня всегда такая солнечная? Или только когда ты в ней?» — Поставленное в конце сердечко заставило Улю пробежаться по тексту еще раз.

Улыбка на лице стала торжествующей. Костя Тимофеев со спортивного факультета. Тот самый, что ходил по столовой в преступно узкой рубашке, демонстрируя миру, что не зря занимается плаванием. Тот самый, что недавно добавил к Уле в друзья, но так и не написал ничего, своим молчанием заставляя нервно обновлять страничку.

— С ума сойти! — пропела Уля и отправила ссылку на фотографию Вилке.

Той не было в Сети, как и спортивного красавца. Ничего, можно и подождать. Пританцовывая, Уля вышла в коридор, и на нее тут же налетел Никитка.

— Потихе ты! — ворчливо проговорила она, приглаживая вихрастую макушку брата.

— Мама сказала идти тебя будить! А то мы никуда не успеем.

— А мы должны куда-то успеть? — рассеянно спросила Уля, проверяя, не ответила ли ей Вилка.

— В парк, мама сказала, мы пойдем с тобой в парк, где карусель-карусель! — Последние слова Никитка пропел на мотив старого мультлика и понесся по коридору к кухне. — Мама! Уля проснулась!

Нежность к брату стремительно сдувалась. Теперь Уля припомнила, что выторгованная закрытой сессией неделя

спокойствия заканчивается прямо сегодня. А значит, от похода на карусели спастись не получится.

Уля ловко проскользнула в ванную и прикрыла за собой дверь. Кафель приятно охлаждал босые ноги. Она включила воду, делая ее похолодней, и юркнула в новомодный кокон душевой кабины, которую совсем недавно купил Алексей. Отчим был хороший — не лез с нравоучениями, прикрывал по мелочам от мамы и не вмешивался в их крупные ссоры. А еще — руководил большой фирмой, значит, мог позволить себе и эту квартиру, и этот душ.

Прохладная вода щекотала кожу. Уля придиричиво хлопала себя по животу и бедрам. На самом деле ей даже нравилось, как округло переходит тонкая талия в бедра, как натягивается майка на груди. Уля была миленькой. И сама знала это. Легкие кудри, блеск на губах, платье с тонкими лямками. В тупых сериалах говорили, что противоположности притягиваются. Вот Костя с его рельефными плечами и притянулся.

Уля завернулась в полотенце и коснулась мокрым пальцем экрана телефона. Вилка сообщение еще не прочитала. Но Костя был в Сети. Задумавшись, Уля протерла запотевшее зеркало ладонью, поправила мокрую прядь, чуть натянула веко, улыбнулась сама себе, проверяя, чистые ли зубы. И пока тело само выполняло привычные действия, в голове сочинялся ответ на утренний комментарий. Что-то легкое и ненапряжное, но оставляющее пространство для разговора.

«Спасибо. В комнате солнечно, только когда нет сессии. Во время нее — мрак и тлен», — напечатала Уля, замерла на секунду и отправила.

Дело было сделано. Шумно выдохнув, Уля бросила на себя последний взгляд: ошалелые от смелости глаза восторженно блестели. Натянула футболку и вышла в коридор.

— Садись завтракать, — бросила ей мама, мимоходом целуя в щеку. — Вечером приедут Савичи, а мне еще убираться.

— Я помогу. — Ульяна открыла стаканчик йогурта и всыпала туда пригоршню хлопьев.

— Лучше Никитку займи, он тут скачет и мешается. — Мама присела на краешек стула. — Опять свое сено ешь.

— Это не сено, ма... — Уля потянулась за чайником. — Это мюсли.

— Да знаю я. Дай сюда, еще обожжешься. — И, пока наливала ей чай, успела сжевать половину маслянистого оладушка.

Уля смотрела на маму с привычной досадой. Она никогда не набирала вес. Даже беременная сыном, оставалась тоненькой, хрупкой и юной.

— Почему я не в тебя? — спрашивала Уля, а мама только отмахивалась. — И в кого тогда? — беззвучно продолжала Уля, уверенная, что этот вопрос точно останется без ответа.

Про отца они не разговаривали. Уля не знала, кто он и куда делся. Не видела его фото, даже имени не слышала ни разу — отчество Степановна было дано ей в память о деде. Но мысли нет-нет да возвращались к теме блудного папаши. Пару раз Уля пыталась задавать прямые вопросы, но мама юлила, а после откровенно злилась. Нет

и нет. Значит, далекому биологическому родителю дочка не нужна. А навязываться глупо.

Как-то же прожили они с мамой вдвоем целых десять лет, пусть не так уютно и спокойно, как после появления Алексея. Уле остались только смутные воспоминания о холодных съемных квартирах и растянутых колготках с рваными носками, которые мама штопала по вечерам, а утром швы больно натирали пальцы.

— Ты меня слушаешь? — Мама наклонилась совсем близко и провела ладонью по Улиному лбу.

Сегодня она была в хорошем настроении. Уля чутко различала это по тому, как мама не раздражалась. По тому, как тянулась дотронуться и погладить. В хорошие дни между ними образовывалось теплое поле, в плохие оно же становилось ледяным и хрустким.

— Слушаю, — кивнула Уля, подставляя щеку под поцелуй. — Куда мне его сводить?

— В парке, через дорогу который, открыли новую карусель. Все ребята из группы туда уже ходили, один наш не у дел. Пусть катается, только следи, чтобы не укачало.

Уля чуть слышно застонала. Никитка очень любил все, что кружилось и вертелось, сияло огоньками, пицало и несло с бешеной скоростью. Жаль только, организм не разделял таких восторгов. Прошлым летом его стошнило прямо на Улины открытые босоножки.

— Никитка хотел покататься именно с тобой. — Складка между бровями мамы появилась резко и неумолимо. — Леша предложил сходить вместе, но он решил подождать, пока ты соизволишь проснуться.

— Ма, у меня каникулы...

— Не развалишься сделать хоть что-то полезное! — Мама решительно поднялась и вышла из кухни.

В квартире стало тихо, только телевизор в общей комнате вопил что-то об удачных ставках на ипотеку. Уля поковырялась ложкой в йогурте, но аппетита не было. Настроение дома всегда зависело от маминого. И чем тяжелей было у мамы на сердце, тем хуже становилось всем остальным. Когда после росписи и переезда у молодой семьи Сафроновых никак не получался новый ребенок, мама ходила по квартире мрачнее тучи и постоянно срывалась, обвиняя в мельчайших провинностях то Алексея, то Улю, словно именно они и были причиной всех ее бед. По ночам Уля тихонько редела и на полном серьезе думала, а не сбежать ли ей из дома. С появлением Никитки мама стала куда мягче. Но прежней любви, что была у них с Улей, больше не было. Теперь забота мамы делилась на трое: между мужем, младенцем и девочкой-подростком. Нужно ли говорить, кому доставалось меньше всего?

Но Уля давно научилась получать из своего отчуждения максимум пользы. Свобода оказалась приятной на вкус, главное — не злоупотреблять, и все будет отлично. Нужно сходить на прогулку с братом? Окей. Зато вечером никто не остановит ее, когда она решит умотать из дома и не возвращаться до поздней ночи.

Уля аккуратно закрыла йогурт крышечкой, поставила его в холодильник и только потом вспомнила о телефоне. Тот предательски молчал. Она нажала на круглую кнопку, скрещивая пальцы на ногах — это была ее личная примета, обычно приносящая удачу.

На экране повисло оповещение: «Константин Тимофеев прислал вам одно новое сообщение».

«Ты уже закрылась?»

Уля перечитала эти слова несколько раз, надеясь отыскать в них особый смысл.

«Да, было жестко, но не впервой же», — осторожно напечатала она, начиная злиться на Вилку, пропавшую в самый неподходящий момент.

— Уля-я-я... — пропел заскочивший в кухню Никитка. Он уже надел цветастую футболку с мультяшной уткой и полосатую кепочку. — Ты купишь мороженку? Я хочу с карамелью! — Он прыгал на одной ноге, застегивая тугой замок красной сандаляки.

— Да встань ты как следует! — прикрикнула Уля, отрывая взгляд от телефона, где Костя что-то усердно набирал ей в ответ.

Никита дурашливо надулся и побежал к двери.

«Молодец! А я остался на осень по двум предметам. Педагогика — не мое», — пискнул телефон.

«Ничего, главное — впереди два месяца лета!» — нерешительно набрала Уля, ломая голову, как бы продолжить разговор.

— Не засиживайся, там тучи нехорошие какие-то, — окликнула ее мама.

Уля вздохнула, но пошла собираться. Отправляя очередное сообщение Вилке, она вытащила тонкий цветастый сарафан, встряхнула его и решила, что для прогулки с братом сойдет и мятый.

Никитка топтался в дверях.

— Можно я возьму самокат? — спросил он, приподнимаясь на носочки от нетерпения.

— Бери, — пожала плечами Уля.

Мама вышла в коридор.

— Только не смей переезжать на нем дорогу! Слышишь, Уль? Проследи!

— Хорошо, ма.

Имя Вилки наконец загорелось зеленым кружочком в списке друзей. Ульяна отправила ей возмущенный смайлик.

Когда они с Никиткой вышли в подъезд, мама стояла на пороге, провожая их взглядом. Но Уля не отрывалась от экрана — Костя как раз предложил ей встретиться на неделе.

«Это тот самый, с татушкой на шее?» — восторженно строчила Вилка.

«Да! Интересно, что там написано?»

«Думаю, скоро ты рассмотришь ее в мельчайших подробностях!»

Уля проскользнула мимо дверей квартиры Вилки, но решила не стучать: вначале предстояло отделаться от домашних обязанностей, а потом уже можно будет завалиться в прохладу Вилкиной комнаты. И перетереть несчастного Костю до горячих ушей.

— Ну давай, мелкий. Веди меня к каруселям, — сказала Уля, когда мама наконец выпустила Никитку из объятий. Самой Уле досталась рассеянная улыбка, брошенная в щелочку двери.

Никитка шустро рванул вниз по лестнице. Двор встретил их плотным жаром. На лавочке сидели две старушки,

у обеих в руках дергались поводки, с другой стороны которых рыскали по газону полуголые собачки. Их хилые тела дрожали от избытка адреналина. Старушки равнодушно на них поглядывали.

— Понапокупают животинок, — неодобрительно сказала одна, — а сами на работах своих до ночи. Вот на кой она мне, а я слежу, гуляю, мою...

Вторая согласно кивнула, смерив проходящую мимо Ульяну цепким взглядом.

Никитка пронесся мимо, разгоняя маленький самокат, и крикнул что-то приветственное. Это мигом смягчило старушек — обе заулыбались и оставили Улю без едких замечаний в спину.

У Никитки был настоящий талант нравиться всем вокруг. Его любили самые злобные старухи, избалованные коты и дамы, которые еще вчера выходили на пикет чайлдфри с плакатом «Дети — могильный камень нашей жизни». От широкой улыбки Никитки таяли злые полицейские, редкая в их районе неблагополучная молодежь и даже многодетные мамы, которые были бы и рады пойти на собрание чайлдфри, да некогда.

Телефон надрывно вибрировал: Вилка рассказывала о свидании с бывшим одноклассником, превратившимся из очкастого ботана в модного компьютерного гения. Уля читала ее сообщения вполглаза. У нее самой, кажется, намечалась встреча.

«Я не против. Можно сходить в Нескучный. Там тень и красота», — печатала она, приближаясь к дороге, которая отделяла их дом от парка и каруселей.

Разноцветная футболка Никиты мелькнула чуть впереди. Он умело вел самокат по тротуару, звонко отталкиваясь от асфальта красной сандалкой.

«Здорово! Значит, завтра к шести я за тобой приеду?» — написал Костя.

Уля принялась печатать ему адрес, обдумывая, как лучше объяснить проезд через запутанные соседние улочки, и сама не заметила, как подошла к дороге. Самокат больше не дребезжал. Уля перечитала сообщение, уверенно нажала на «Отправить» и только после этого подняла голову. Тепло в груди сменилось неприятным холодком.

Никитка стоял посреди дороги. Одной ногой он удерживал самокат, а ко второй наклонился, чтобы поправить тугой ремешок сандалки. Дорога была пустынна. Она сворачивала к дому, укрытому разросшейся зеленью. Здесь не было ни обозначенного перехода, ни светофоров. Местные ругались с управлением, то не шло на уступки, и всем по-прежнему приходилось делать крюк до ближайшей зебры. Правда, движение на дороге было вялым и медленным. Водители обычно снижали скорость, чтобы вытолкнуться из-за поворота, поэтому перебежать проезжую часть было легко и не страшно.

Но сейчас Никита застыл на середине дороги — пестрый, полный прыгучей радости. Уля открыла рот, чтобы прикрикнуть на него, но горло перехватило. Слова застряли в нем, язык прилип к нёбу. Уля схватилась за шею, не замечая, как из ее ослабевшей ладони выпадает телефон.

Никитка наконец справился с замком и выпрямился. На солнце глаза у него стали светлыми, почти прозрачными.

ми. Он уже растягивал губы в довольной улыбке, когда мир вокруг Ульяны померк. Движения замедлились, звуки доносились сквозь тяжелую толщу воды. Глаза Никитки оказались совсем рядом, словно Уля уже подбежала к нему, но тело ее не слушалось.

Секунда — и она увидела все со стороны. Ясный день, высокие многоэтажки греются на солнце, чуть заметный жар поднимается от асфальта, у бордюра стоит девушка в легком сарафане, возле ее ног валяется расколотый коробок телефона. А на дороге, за которой начинается тенистый парк, застыл мальчик, растрепанный, с выгоревшими волосами под полосатой кепочкой.

В воздухе пронзительно запахло горечью.

«Что за запах?» — подумала Уля, будто это было важно сейчас.

Когда из-за поворота на бешеной скорости выскочил грузовик, она вспомнила, что уже чувствовала этот аромат — давным-давно, на даче друзей Алексея. Там за домом начинался широкий лог, по его бокам росла полынь. Так же горько и терпко пахла она, цветущая, рассыпающаяся в пальцах седой пылью.

Грузовик тем временем был уже рядом. Уля успела прочитать на его боках что-то о диванах, которые тот везет. Не сбавляя скорости, машина выехала на ровный участок, и только тогда водитель заметил мальчика. Он так и стоял, одной рукой придерживая самокат, а второй снимая кепочку. Полынью пахло нестерпимо — казалось, весь мир пропитался ею и теперь полнится этой горечью, осязаемой и плотной.

Ульяна закричала, но звуки потонули в густой тишине. Она хотела дернуться, остановить несущийся грузовик, но тела не было. Когда машина на полном ходу смела тонкую фигурку Никитки, мир наконец обрел звучание.

Истошный сигнал грузовика, нечеловеческий крик девушки, стоявшей у дороги, скрежет металла, звон укатившегося самоката и глухой, страшный удар, с которым упало на асфальт отброшенное в сторону тело Никитки.

Мир ушел в темную воронку, пронзительно пахнущую горечью травы. Но только на мгновение. А потом Уля моргнула и пришла в себя. Никитка стоял напротив, поднимая руку к кепочке, чтобы стянуть ее с макушки. Он смотрел на Улю с довольной улыбкой, солнце блестело на его длинных светлых ресницах.

«Совсем мы с ним не похожи», — мелькнуло в голове, и Уля шагнула к брату.

Но сонную тишину уже разрезал пронзительный сигнал грузовика. Оставалась еще пара секунд. Их хватило бы, чтобы подскочить к мальчику, оттолкнуть его в сторону, повалить на землю, уволочь, закрыть собой.

Но Уля застыла. Страх накрыл ее. Пульс ударил по ушам, холодный пот выступил на лбу, заструился по груди и между лопатками. И Уля осталась на месте. Вот Никитка рассеянно повернулся на отчаянный гудок грузовика, вот водитель крутанул руль в сторону, вот скрежет тормозов смешался с визгом металла. Хрупкое тельце взлетело в воздух, перекувыркнулось и медленно, почти нежно упало на асфальт с другой стороны дороги. Полосатая кепочка отлетела к обочине. Самокат отбросило в сторону. У ног Ули